

ПРОБЛЕМА ИНВЕНТАРИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ СХЕМ ПОНИМАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ ТЕКСТА

И.А. Стернин

Воронежский государственный университет, Воронеж

В статье рассматривается понятие рецептивной схемы как инструмента выявления скрытых смыслов текста.

Ключевые слова: скрытый смысл, эксплицитный смысл, ментальная схема, рецептивная схема.

Особая проблема понимания сложного текста – это проблема понимания скрытого смысла. Скрытого смысла обычно нет в деловых текстах, в объявлениях и инструкциях, научных текстах и специальных текстах, практически нет в детективной и мемуарной литературе, но очень существен скрытый смысл (подтекст) в художественной литературе: именно подтекст и делает литературу художественной. Скрытый смысл играет важную роль в публицистике, в рекламных текстах. Проблему представляет и понимание скрытого смысла отдельных высказываний – риторических вопросов, намёков, отдельных метафорических выражений, фразеологизмов, пословиц и поговорок, употреблённых в тексте.

Особая проблема – скрытый смысл в лингвокриминалистической экспертизе текста, поскольку именно в скрытом виде в спорных текстах часто бывает выражена информация, являющаяся предметом иска, но доказать её наличие для суда – крайне трудная задача.

Необходимо признать, что в современной лингвистике практически нет методов выявления скрытых смыслов. У судов есть традиция опираться только на эксплицитно выраженные смыслы, отклоняя скрытые смыслы как предмет оценки и интерпретации; одни и те же скрытые смыслы трактуются разными экспертами субъективно и по-разному; одни и те же скрытые смыслы в процессе их интерпретации разными экспертами (и носителями языка) облакаются в разную языковую форму.

В связи с перечисленными проблемами весьма плодотворным представляется метод выявления скрытых смыслов, предложенный А.Н. Барановым.

Имплицитная языковая информация извлекается из эксплицитной, по А.Н. Баранову, при помощи определённых ментальных (когнитивных) схем, представленных в готовом виде в языковом сознании носителя языка [1: 452; 2]. Такие ментальные (когнитивные) схемы восприятия скрытого смысла текста удобно назвать *рецептивными* схемами, т.е. присущими сознанию людей *схемами (моделями) понимания*.

Рецептивные схемы языкового сознания основаны на сформировавшемся в сознании этноса или отдельной социальной группы на базе когнитивного и языкового опыта носителей языка понятии *равнозначности информации*: некая информация, переданная определённым эксплицитным способом, рас-

смаывается языковым сознанием как равнозначная другой информации, которая в данном конкретном случае не выражена вербально, эксплицитно.

Подобные схемы формируются в сознании человека с возрастом и опытом общения (ребенок до 12 лет, по данным онтолингвистики, практически ещё не имеет сформированных схем понимания скрытого смысла высказывания, он способен воспринимать лишь эксплицитную информацию).

Рецептивные схемы – принадлежность языкового сознания носителя языка. А.Н. Баранов указывает, что они должны повторяться, должны быть регулярно используемыми в обществе, чтобы служить носителям языка механизмом идентификации скрытого смысла.

Рассмотрим некоторые такие схемы, наиболее часто используемые авторами в текстах, становящихся впоследствии предметом лингвистической экспертизы.

1. «Сообщение об отказе кого-либо от комментариев или участия в обсуждении какого-либо нарушения или происшествия равнозначно сообщению о скрываемой лицом вине или причастности данного лица или организации к данному нарушению или происшествию».

В офисе компании «Ваш ремонт», по слухам, изъяли финансовую документацию. Представители компании от каких-либо комментариев отказались.

2. «Сообщение об имевшем место упоминании имени некоторого лица в связи с какими-либо событиями, нарушениями и происшествиями равнозначно сообщению о причастности данного лица к указанным событиям, нарушениями и происшествиями (рецептивная схема «Нет дыма без огня»)

Его имя упоминалось и в связи со скандалом в «Росатоме».

Его имя всплывало при расследовании происшествия с аварийной посадкой самолета.

3. «Сообщение о правонарушениях друзей, соратников, сотрудников того или иного лица равнозначно сообщению о причастности самого лица к аналогичным правонарушениям (рецептивная схема «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты»)

Бывший сотрудник банкира Вадима Коренева попался на спекуляциях ворованными акциями.

Охранником у него работает некий Эдик, дважды судимый за разбой и хулиганство.

И. Кобзон, как говорят, был в дружеских отношениях с известным уголовным авторитетом А. Квантаришвили.

4. «Сообщение о недоступности лица, учреждения для выяснения журналистами подробностей некоторого негативного события равнозначна сообщению о стремлении лица или учреждения скрыть свою виновность в данном событии».

Мы пытались дозвониться до фирмы «Сапсан», но их телефоны молчат.

Мы позвонили самому директору Семенову, но его телефон всё время вне доступа.

5. «Сообщение о недостаточной расследованности, неясности относительно роли некоторого лица или организации в некоторой противоправной ситуации равнозначно сообщению о связи данного лица или организации с противоправными действиями».

В. Хлыстова неоднократно обвиняли в отмывании денег. До сих пор неясна его роль и в афере с акциями «Водоканала».

6. «Сообщение об имевших место фактах нарушения человеком некоторых правовых норм равнозначно сообщению о ложности, недостоверности, неправомерности его слов, мнений, высказываний».

На чьих показаниях построена защита? На показаниях ранее судимого Семенова.

М.М.Жванецкий: «Что может сказать умного человек, который не поменял паспорта?»

-Какое право вы имеете...

-А кто вас сюда пропустил? Как вы сюда прошли?

7. «Утверждение, категорично противопоставляющее два факта, равнозначно утверждению о причинной связи между ними».

12000 москвичей не могут получить места в детских садах.

13000 детей иммигрантов ходят в детские сады в Москве.

Мигранты вывозят из страны миллиарды рублей.

Миллионы русских живут в бедности.

8. «Утверждение о том, что некоторое негативное событие произошло после другого, равнозначно утверждению, что оно является следствием предыдущего события (рецептивная схема «после того – значит вследствие того»»).

Семенов ушел из офиса последним. Утром в офисе обнаружили пропажу принтера.

9. «Побуждение к самостоятельному осмыслению приведенных негативных фактов равнозначно утверждению данного негативного факта (рецептивная схема «Думайте сами...»»).

Кто захватывает все должности, хлебные места, школы и детсады, где звучат только фамилии на –нян? Думайте сами.

10. Напоминание кому-либо, что некто имеет инструмент, средство, оружие, равнозначно призыву к их использованию.

Армия, помни, у тебя есть оружие!

11. «Здравницы в честь людей, следующих некоторому призыву-лозунгу, равнозначны призыву следовать этому призыву-лозунгу».

Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи!».

И т.д.

Актуализация рецептивной схемы при восприятии реципиентом конкретного высказывания или текста может заметно варьировать в зависимости от конкретных контекстуальных и экстралингвистических условий – одна и та же фраза может быть идентифицирована при помощи разных рецептивных схем в зависимости от широкого контекста и ситуации. Кроме того, одна и та же рецептивная схема может иметь варианты – конкретные разновидности, обусловленные конкретной коммуникативной ситуацией. Например:

Девушка в парке говорит кавалеру:

-Что-то холодно...

Молодой человек может воспринять скрытый смысл данного высказывания в опоре на следующую рецептивную схему: «Публичное сообщение о не-

котором испытываемом говорящем в данной ситуации неудобстве равнозначно призыву к присутствующим устранить данное неудобство».

Ср.: *Что-то дует. Как-то душно стало. Что-то сидеть стало неудобно. Что-то какое-то несоленое всё. Что-то мне тяжело нести стало.*

Для фразы *Что-то холодно*, произнесенной девушкой, у молодого человека есть нескольких конкретных вариантов идентификации её скрытого смысла в рамках данной рецептивной схемы: «сообщение об испытываемом холоде равнозначно призыву пойти домой»; «сообщение об испытываемом холоде равнозначно призыву обнять девушку»; «сообщение об испытываемом холоде равнозначно призыву накинуть на девушку пиджак»; «сообщение об испытываемом холоде равнозначно призыву пойти в кафе» и др.

То, какой конкретно вариант рецептивной схемы будет использован молодым человеком в данной коммуникативной ситуации, зависит от его общего опыта общения, воспитания, культурного уровня, истории общения с данной конкретной девушкой, общей экстралингвистической ситуации (например, есть ли кафе в прямой видимости) и многих других факторов, не поддающихся учёту при анализе «со стороны». При этом понимание скрытого смысла данной фразы молодым человеком может не совпасть с коммуникативным намерением девушки, или она может прибегнуть к тактике кокетства и сказать в ответ на реакцию молодого человека «я совсем не это имела в виду» – проверить, что она действительно имела в виду в момент речи, невозможно.

Имплицитная информация, как было отмечено А.Н. Барановым, может быть вербализуемой и невербализуемой. Под вербализацией имеется в виду возможность воспроизведения скрытого смысла в виде высказывания, содержащего пропозицию, которая передает смысл импликации [1: 44].

А.Н. Баранов указывает, что возможны случаи, когда нечто в имплицитной части семантики языкового выражения есть, но вербализовать это в явной форме невозможно. Типичный случай – использование некоторых приёмов речевого воздействия, например, приёма «введения в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» (см. подробнее: [1, первый параграф главы 3]). Так, известный лозунг *Голосуй или проиграешь!* предвыборной кампании Б. Ельцина сопровождался изображением наручников или арестантской куртки в непосредственной близости от слова *проиграешь*. Очевидно, что проигрыш в этом рекламном слогане интерпретировался как что-то явно «отрицательное», но необязательно имелось в виду реальное тюремное заключение. Это можно интерпретировать и как возможные ограничения гражданских свобод, и как полицейское государство, и как обобщенно (даже символически) передаваемую идею опасности. Иными словами, негативный компонент содержания присутствует, но точно вербализовать и выразить его суть невозможно.

Аналогичными свойствами обладает метафора: метафорические номинации могут влечь негативную оценку, но и в этом случае часто точная вербализация негативной составляющей затруднена, ср. кличку *Паша-мерседес* одного из бывших министров обороны.

С нашей точки зрения, вся скрытая информация вербализуема, хотя степень конкретности/абстрактности вербализуемого скрытого смысла может различаться, как и словесная форма выражения скрытого смысла.

Подчеркнём, что возможность разного словесного формулирования скрытых смыслов не является свидетельством их отсутствия или субъективности их выделения: здесь действует общий закон неединственности метаязыкового описания семантики языковых единиц.

При этом имеет принципиальное значение конкретный контекст, иногда весьма широкий, в зависимости от которого выявляется та или иная применяемая рецептивная схема.

На данном этапе нами выявлены рецептивные схемы, часто используемые в текстах, становящихся предметом иска о защите чести и достоинства, политических и рекламных текстах. В настоящее время нами выделены на материале текстов разных типов около 100 схем, но ими, естественно, состав рецептивных схем языкового сознания не исчерпывается.

Необходима их дальнейшая инвентаризация.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007. 592 с.
2. Стернин И.А. Выявление и описание скрытых смыслов в тексте. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 20 с.

PROBLEM OF INVENTORIZATION OF MENTAL SCHEMES OF UNDERSTANDING IMPLICIT SENSES OF THE TEXT

I.A. Sternin

Voronezh State University, Voronezh

The paper views the concept of receptive scheme as a tool for revealing implicit senses of a text.

Key words: *Implicit sense, explicit sense, the mental scheme, receptive scheme.*

Об авторе:

СТЕРНИН Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, e-mail: sterninia@mail.ru

Стернин И.А. ПРОБЛЕМА ИНВЕНТАРИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ СХЕМ ПОНИМАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ ТЕКСТА / Слово и текст: психолингвистический подход. – Журнал. 2014. № 14. – С. 130-134. /Тверской государственный университет.